

[Оглавление](#)

Лидия Волконская Прощай, Россия! (Моя жизнь) Глава 6. Гражданская война

К собственному моему удивлению, разлуку с Виталием я пережила не так тяжело, как того боялась. Беспокойные мысли о том, в каком положении находятся теперь мои родные в Ромейках, волновали меня. К большой радости, я заметила там некоторые улучшения. Родители, почувствовав себя дома, на своей земле, ободрились. С нетерпением ожидали Володю. Вопрос о питании почти наладился. Предвиделся сбор урожая с озимых посевов и яровых на более расширенной площади. Мужики, не удобряя и истощив захваченную ими землю, сами бросали ее, и она снова переходила в наше владение.

В июне этого 1918 года разнеслась весть о приходе немцев. Немцы, игнорируя заключенный с большевиками 3-го марта того же года Брест-Литовский мир, стали оккупировать юго-запад России, где в то время не было никакого эффективного правительства. Мы скорее обрадовались этому, чем испугались. Всякая, основанная на законе, власть лучше чем безвластие и произвол преступных элементов страны. И действительно, без особых трудностей, немцы ввели сразу же порядок и закон, охраняющий жизнь, безопасность и имущество населения, занимаемой им территории. Все и все сразу стало на надлежащее место.

Особенно были довольны помещики! Многие из них получили обратно большую часть, забранного у них имущества, а иногда и все.

Ромейцы заявили, что у них ничего нашего нет, а что наш инвентарь был разграблен мужиками других деревень. Проверить и вообще провести это дело у нас было некому. Папа положительно не был способен на такого рода дела. Махнув рукой, он сказал: - Э... Бог с ними, все равно большого хозяйства теперь не заведешь. Да и кто его знает, время неверное: сегодня немцы, а завтра один Бог знает кто.

Когда осенью мы старшие дети вернулись в Киев, он тоже был занят немцами. Настроения в Киеве не были особенно радужны. То, что немцы разогнали Центральную Раду, организованную гетманом Скоропадским, не могло нравиться никому. С другой стороны сознание, что немцы являются более надежной защитой от большевиков, внесло успокоение в частную жизнь Киевлян.

- Ах, Лида, какое счастье что пришли немцы, - говорила мне тетя Нюня в первый день моего приезда, - мы спасены! А какие у нас интересные немецкие офицеры жили, если бы знала - да ты их увидишь, они завтра придут.

На следующий день, войдя вечером в гостиную, я увидела двух, затянутых в аккуратно

пригнанные мундиры, немецких офицеров. Они стояли и держали в руках узенькие ликерные рюмочки, в которые тетя подливала ликер. Нина сидела поотдаль в углу дивана и молча потягивала из своей рюмочки.

Вслушавшись, я поняла, что разговор шел о русских женщинах. Офицеры находили их очень интересными. Поглядывая как тетя, игриво посмеиваясь, отпивала маленькими глотками ликер, один из них сказал:

- Вот так, мы представляем себе, русские женщины целуют своих мужей.

Тетя, кокетливо улыбаясь, ответила, что иногда не только мужей.

Скоро, откланявшись, они ушли. Мы еще раз увидели их, но уже при других обстоятельствах.

Утром следующего дня, я с замирающим сердцем подходила к своей школе. "Здесь ли он. Может его почему-нибудь нет. А если есть, то может забыл меня"...

Он не забыл. Он ждал меня. Мы стали встречаться ежедневно. Эти свидания были для меня все: ими я жила, ими дышала. Когда я оставалась одна, тогда казалось мне, что я теряю что-то самое важное, - необходимое для меня, и только около него, я успокаивалась, словно найдя то, чего мне не доставало и без чего я не могла жить.

- Лида, пригласи твоего "героя" зайти к нам. Мне интересно увидеть, такой ли он красавец, как ты говоришь, - сказала мне однажды тетя Нюня.

Я конечно, не выдержала, чтобы не рассказать ей о своем увлечении.

Когда я передала Виталию это приглашение, он очень растерялся, а потом сказал:

- Я стесняюсь и мне неприятно тебе об этом говорить, но должен сказать откровенно.

Видишь ли, мне чуть не под тридцать лет, а я ничего - ученик Художественной Школы. Стыдно сознаться, но меня до сих пор содержат родители. Они, кроме маленького домика на окраине Киева и клочка земли на Дону, ничего не имеют. Я единственный сын и, как видишь, такой неудачный. У меня вот, кроме этой коричневой блузы, в которой ты всегда меня видишь, ничего нет. Недавно я заказал себе мой первый костюм. Готов он будет через две недели. Тогда я могу прийти к вам, а до той поры, мне не в чем и показаться.

- Вот глупости, - сказала я, с непониманием выслушав его, - по-моему, эта блуза тебе очень идет. Я иначе себе тебя и не представляю, как только в ней и никакой костюм, я уверена, не будет лучше.

Через две недели, в новом костюме он пришел к нам. И, действительно, в гостиной в этом костюме, он показался мне каким-то совсем другим: таким обыкновенным и к тому же несколько мешковатым.

Тетя вышла приветливо улыбаясь, и начала легкий, ничего не знающий разговор. Когда я подавала Виталию чашку чаю, то заметила с удивлением, что руки у него дрожали.

Очевидно и тетя заметила его смущение и скоро под каким-то предлогом вышла.

- Ничего особенного я в нем не нахожу. Он ничего себе- да; но не такой уже Антиной, как ты говорила, - сказала мне потом тетя.

В один из осенних вечеров к нам неожиданно зашли оба знакомых немецких офицера и сразу же сказали, что пришли проститься.

- Как жаль, - сказала искренне тетя, - вы в отпуск? Надеюсь, что мы опять увидимся, когда вернетесь.

- Нет, мы не в отпуск. Мы уходим вообще отсюда. Получен неожиданный приказ оставить Киев. У нас говорят даже больше: мы должны будем уйти вообще из России.

- Не может быть! Почему? Ведь никаких боев не было. Большевики не наступают, - не веря своим ушам, испуганно воскликнула тетя.

- Да, конечно, они не в силах воевать с нами. Но здесь другое - политика.

После их ухода, мы скоро узнали, что Первая Мировая Война была кончена. 11 ноября Германия капитулировала, Гогенцоллерны были низвержены, и почему-то американцы потребовали немедленного отхода немцев из России.

Об этом офицеры, уходя, нам ничего не сказали - очевидно из самолюбия.

Немцы оставили Киев под опекою слабого Украинского Правительства с гетманом Скоропадским во главе. Правительство это кончило свое существование в начале декабря. Киев, после боев, был занят войсками украинских националистов, сформированными Петлюрою. Его власть продолжалась всего лишь два месяца. Под давлением, подходящих с боями к городу большевиков, он тоже должен было отступить из Киева и передать правление в руки назначенной Директории. "В вагоне сидит Директория, а под вагоном лежит территория", - говорили с горькой иронией киевляне. В этих словах, как нельзя лучше отразилось полное бессилие и растерянность всех этих кратковременных правительств.

Приближались большевики. По всей Украине и в Киеве начались эвакуация и паника. Все, кто мог и куда мог, уезжали. Уезжала и семья дяди Валеры, но не все вместе. Нина присоединилась к одной бродячей труппе артистов и вместе с ней уехала на гастроли куда-то на юг России. Коля тоже отправлялся на юг, где в то время формировалась Добровольческая армия. Шел он туда простым солдатом. Впоследствии он выделился как отличный пулеметчик. Дядя Валера, тетя Нюня и старший сын с женой уезжали в Румынию.

Накануне отъезда, мы не спали почти всю ночь. Позамыкали двери, старательно задернули портьерами окна и, убедившись, что прислуга и экономка Изабелла спят, замкнули ведущие к ним двери. После этого мои кузены принялись делать отверстия в полу, в стенах, в косяках дверей. Туда прятались наиболее дорогие вещи и драгоценности. Потом все клеивалось, забивалось и закрашивалось. Главные драгоценности зашили в шубы, которые одевали в дорогу. На другой день спокойно выехали в полной уверенности, что скоро вернутся. Этому никогда не суждено было сбыться.

Вместе с ними уехал и доктор Пивоварский. Там в изгнании закончилась их, несколько лет продолжавшаяся, семейная драма. Дядя Валера, потеряв все состояние, не имея никакой профессии и не зная иностранных языков, очутился в тяжелом материальном положении. Доктор же, известный даже в Европе, хирург, мог удержать свое прежнее положение. Тете пришлось выбирать между ними двумя.

- Иван Яковлевич (доктор) может и без меня продолжать свою блестящую карьеру. Валера же нуждается теперь в поддержке. И в несчастье его никогда не оставлю, -

решила она.

В отчаянии доктор вернулся в Россию и там был с почетом принят большевиками. А тетя Нюня с дядей и детьми уехали в Париж, где до конца дней своих вели тяжелую и бедную эмигрантскую жизнь.

В опустевшем доме дяди осталась только я, Изабелла и из прислуг одна горничная и кухарка. Прошлого Изабеллы, польки по происхождению, было темно. Отличалась она двуличным, злобно-завистливым характером. Ее никто не любил, считая что она способна на всякую гадость. Выступала она важно с гордым недоступным видом; ни на кого прямо не смотрела, а как-то сбоку, из-под тяжелых, наполовину закрывавших ее выпуклые глаза, век. Губы были надменно поджаты, и она редко открывала их для разговора. Изабелле было поручено смотреть за домом, и вести хозяйство на деньги получаемые от квартирантов другого дома.

К моему счастью она решила, что я осталась для надзора за ней и поэтому старалась, как могла мне угождать.

Я же осталась потому, что мои сестры и братья тоже оставались еще в Киеве. Это была середина учебного года, занятия шли нормально и всякие политические перемены, казалось, ничем не угрожали учащейся молодежи. Кроме этого, я так была захвачена своею любовью, что ничто на свете не было в силах заставить меня уехать из Киева. А время наступало жуткое.

Большевики заняли Киев без боев, вошли тихо, незаметно. Директория уехала заблаговременно своим поездом.

С приходом большевиков, волна террора захлестнула Киев. Никто почти не был уверен, что доживет до следующего дня. Мужчины прятались по чердакам, подвалам, в замаскированных комнатах или уходили в другие дома на ночь.

В одно раннее утро, желая перейти улицу, я невольно обратила внимание на, очень быстро ехавший по середине ее, грузовик. На нем была уложена большая куча чего-то похожего на дрова или небольшие бревна. Вся она как-то скользко колыхалась и была покрыта плотно брезентом, старательно подвернутым и прикрепленным ко всем четырем краям платформы.

Когда грузовик проехал, я заметила торчавшую сзади из-под брезента, как мне показалось, какую-то белую палку. Вглядевшись, я увидела, что это была окоченевшая, неестественно белая человеческая рука. С ужасом подумала я, что могло быть под брезентом.

Когда я рассказала об этом Виталию, он с изумлением ответил:

- А разве ты не знаешь? Всем известно. Рано, по утрам, в быстро мчащихся грузовиках, чекисты вывозят трупы расстрелянных ночью в Чека. Никогда не останавливайся и не смотри на них.

Но я тогда была как в тумане, в котором ничего, кроме Виталия не видела.

Гражданская война продолжала кипеть. За время ее существования, Киев одиннадцать раз переходил из рук в руки.

Почти каждый переход сопровождался бомбардировками и жертвами. Во время этой неустанной борьбы и военных невзгод, Киев часто бывал отрезан от других мест и городов.

Меня это не тревожило. Под звуки канонады я продолжала бегать в школу с одной только мыслью и желанием: встретиться с Виталием.

В конце учебного года мне сказали, чтобы я забрала своих сестер и братьев из

пансионов, так как они закрывались. В это время железнодорожное движение на запад от Киева было прервано. Мы остались отрезанными от Ромеек. Я совсем растерялась, не зная, что делать.

Вернувшись однажды со школы, я увидела во дворе нашего дома большой, простой воз, полный сена и каких-то мешков. По бокам его, распряженные лошади, жевали овес.

Около них стоял, заботливо расправляя упряжь, наш ромейский кучер - Юрко.

Я не поверила своим глазам. В то время участники Гражданской войны грабили приезжающих и забирали лошадей, где бы они их не находили. Крестьяне часто прятали лошадей в лесах. Папа в отчаянии решил прислать за нами лошадей из Ромеек в Киев: 500 верст!

Даже это не заставило меня уехать из Киева.

- Барышня, - упрасивал меня старый Юрко, - пожалуйста, поезжайте. Барин строго наказывали. Будут крепче сердчать. Как я им на глаза без вас покажусь.

- Ничего, Юрко, ничего... Скажи, чтобы не беспокоились. Со мной ничего не случится.

- Да как не беспокоиться? Слыханное ли дело, остаться вам тут одной, да в такое время!

- Я приеду, скажи, что приеду, как только поезда пойдут.

- Барышня, да, может они николи больше не пойдут.

- Пойдут Юрко, пойдут... - говорила я с болью в сердце, сама не веря в то, что говорила.

Я отправила своих братьев и сестер домой, а сама осталась в Киеве.

Еще перед этим, вскоре после отъезда дяди Валеры, Виталий пригласил меня с Людой и еще кое-кого из нашей школы, зайти к нему после занятий. Он жил в гостинице Покровского Монастыря в довольно большой комнате. Он раньше помещался в ней со своим товарищем, который кончил школу и уехал из Киева, и комната осталась одному Виталию.

Провожая меня домой, Виталий сказал:

- Теперь ты знаешь, где я живу. Единственно, где мы можем быть вместе и одни - это у меня. Завта вечером я буду ждать тебя у себя.

Я стала приходить к нему. Вся дорогу, а это было далеко от нашего дома, я пробегала, не чувствуя земли под ногами. С волнением входила в коридор, где перед иконой Божьей Матери всегда теплилась лампадка. Перекрестясь около нее, я стучала в его дверь со страхом, что вдруг его нет. Но дверь быстро открывалась, и он всегда радостно встречал меня. Я усаживалась в кресло, или на пол, около уютно горевшей печки разостлав перед нею свою шубку. Вечера проходили как одно мгновение.

В противоположность ко всему, жизнь в нашей школе с приходом большевиков расширилась и расцвела. Никого из учеников большевики не трогали, наоборот, предлагали записываться в партию. У нас появилось много новых "учеников", никогда раньше не посещавших школу. Очевидно, принадлежность к художественному миру была, с точки зрения большевиков, признаком если не политической благонадежности, то хотя бы безвредности. Новые "ученики", не умея ничего делать, бродили по коридорам и классам, приглядываясь к нашей работе, которая приняла совершенно другой характер. Школа была заброшена бесконечными заказами и массой всякого рода материалов и красок, реквизированных на фабриках. Нам заказывались портреты вождей, роспись внутренних стен занятых большевиками зданий и военных казарм. К дням торжественных празднеств, как первое мая, мы писали огромные, красочные плакаты, которыми украшали весь город. Над ними мы работали не только днем, но иногда и по ночам.

Несмотря на усталость, все свободные вечера я по-прежнему проводила у Виталия. Туда я приходила пока было светло, но назад возвращаться было жутко и опасно. Даже днем редкие прохожие пугливо пробирались по тротуарам, держась ближе к стенкам домов и стараясь не привлечь к себе внимания. Вечером же освещался только центр города. Окраины же и улицы около монастыря были совсем темные и безлюдные. Виталий провожал меня только до половины дороги, где уже начиналось освещение.

Засидевшись в тот раз позднее обыкновенного, мы с Виталием собирались уже выйти; но когда он открыл дверь, то навстречу нам метнулся ветер с дождем, а за его густыми, косо летящими, освещенными из двери, нитями, стояла тьма непроглядная.

Захлопнув дверь, Виталий решительно сказал:

- Ничего не поделаешь. Тебе придется остаться у меня. Ночь, тьма, дождь, чекисты... Нужно быть сумасшедшими, чтобы теперь выйти.

- Обождем немножко, может дождь перестанет, - неуверенно сказала я.

- Да когда же это будет?.. в полночь?.. вместо того, чтобы домой, попадешь со мной в Чека, а оттуда, сама знаешь, возврата нет.

Вернувшись в его комнату, я, не раздеваясь и почему-то дрожа, села в кресло. Виталий, приготовив постель, сказал:

- Ты ложись здесь, а я устроюсь на кресле, подставлю под ноги стул и будет вполне удобно.

"Лечь в его кровать... а что, если он потом придет?" - у меня захватило дыхание. "Не выдержу, ни за что, не выдержу; я же не камень, а человек из плоти и крови, а потом что?" - подумала я с ужасом, - "только Днепр, только туда, другого выхода нет", - и продолжая дрожать всем телом, сказала:

- Нет, ты ложись как всегда в свою кровать, а я буду здесь, на кресле. Мне совсем хорошо, я небольшая.

После долгих пререканий, он, рассердившись, потушил свет и лег полураздевшись в кровать. Мне стало легче.

- Лида, - услышала я через некоторое время, - иди, ляг около меня. Я ничего плохого не сделаю. Я только хочу, чтобы ты была около меня, хочу почувствовать твою близость. Иди, ну, иди же!..

Я не отзывалась, делая вид, что сплю.

- Да ты же не спишь, я слышу. Неужели ты думаешь, что я могу себе, что-либо позволить, могу тебя обмануть... ты не веришь мне, скажи прямо!

- Почему не верю... верю, а только нельзя, зачем? Мне и здесь хорошо, - отвечала я.

- Нет, ты не веришь, ты за подлеца меня считаешь... ты....

- Перестань, не говори глупостей, ты сам знаешь, что это неправда. Я просто не могу... не могу. Пойми же... - через слезы говорила я.

Отвернувшись он затих.

Откуда-то словно из под земли, из глубины ночи, стало доноситься тягучее, заунывное пение низких мужских голосов. Слов этой песни, прерываемой шумом ветра, я разобрать не могла; только часто повторяемый припев ее:

"Кубань, ты моя родина"...

безнадежной тоской сжимал мое сердце.

- И ты думаешь, так вот целую ночь там сидеть, а я здесь буду целую ночь лежать и спать?.. - отозвался опять Виталий. Не отвечая на его вопрос, я спросила:

- Кто это поет?

- Да не все ли равно кто. Бездомные, бродяги, они иногда так вот воют эту их бурлацкую песню.

- Где же они?

- В ночлежном доме. В подвале одного монастырского здания. Да брось, что тебе. Иди, около меня не будешь слышать. Ну, скорее, иди же... не будет страшно.

Меня тянуло к нему неудержимо, всеми силами...

"Кубань, ты моя родина"

- казалось сама темнота стонала мучительной тоской.

"Вот если не выдержу, то буду такой же падшей, бездомной, как они", - подумала я и сказала:

- Перестань, Виталий, не мучай меня.

- Чем же я тебя мучаю? Я не думал, что тебе мучение быть около меня близко, - потом, глубоко вздохнув, обиженно добавил, - ну что ж, если так... - затем поднявшись, встал и молча зажег свет.

При свете нам обоим стало неловко. Я чувствовала себя, как бы в чем-то виноватой. Мы избегали встречаться взглядом. Накинув пальто, Виталий сказал:

- Я сейчас вернусь, только воды принесу, - и взяв чайник, вышел. "Было бы лучше, если бы мы тогда ушли", подумала я. "А что, если сейчас?" - внезапно мелькнула у меня мысль.

Сорвавшись с кресла, я подбежала к двери и, приоткрыв ее, выглянула. В коридоре никого не было. Проскользнув к выходной двери, я выбежала на двор.

Дождь перестал, но темнота была прежняя. Пройдя на ощупь некоторое расстояние, я остановилась, натолкнувшись на какой-то куст, присмотревшись, стала различать дорогу.

- Лида, Лида! - раздался сзади негромко голос Виталия. Оглянувшись, я увидела в освещенной раскрытой двери силуэт Виталия и поспешно спряталась за куст. Потом видела, скорее слышала, как он прошел мимо и позвал опять:

- Лида, вернись!

- Только ветер, шевельнув листву, и спадающие, как слезы, тяжелые капли дождя, ответили ему.

Он скоро вернулся. Мне было жалко и его и себя, хотелось броситься, прижаться к нему, но знала, что если это сделаю, то ничто не будет в силах удержать нас, а того, что случилось бы, я боялась больше смерти.

Всю дорогу не встретила я ни одной живой души в темных улицах омертвело, словно зачумленного города.

Добравшись около полуночи в свою комнату я, заливаясь слезами и не раздеваясь, легла на кровать.

"Никогда, никогда больше не увижу я нежной ласки его глаз, никогда не услышу его

милого голоса, никогда не прижмусь к его теплой груди. Разве издали, случайно встречу его холодный взгляд и, когда, заметив меня, он отвернется, я украдкой взгляну на него такого любимого, родного. А любил ли он меня по-настоящему? Почему за все время нашей близости, он никогда не подумал о том, что будет с нами дальше, ни одним словом не выразил желаний соединить свою жизнь с моей. Никогда не обмолвился о возможности женитьбы. Если бы любил, то не смотрел бы ни на какие препятствия. А это его странная мысль: что он бедный, а я, по его мнению, богатая. Какое это имеет отношение к нашей любви? Разве это важно, разве это любовь?.. И мешаясь с этими мыслями и слезами, мне не то чудился, не то слышался горестный, как панихида над моею любовью, напев:
"Кубань, ты моя родина".

- Где это вы вчера так поздно, "художничали"? - ехидно спросила меня утром Изабелла, поджав губы.
- В школе, плакаты писали, соврала я.
- Странно, никаких празднеств теперь нет и украшение города не предвидится. Чувствуя, что краснею, я смущенно молчала.
- Кстати, давно хотела вам сказать. Теперь на нашей улице есть хороший доктор по женским болезням, - продолжала она тоном доброжелательного совета.
- Но мне никакого доктора не надо, я совсем здорова, - с удивлением и не поняв сразу ее намека, ответила я.
Многозначительно улыбнувшись, и, прикрывая веками свои жабы глаза, она продолжала.
- Кроме того, вы перепугали всех моих квартирантов. Никто теперь по ночам не входит и в дом не стучится, разве что только с "обыском".
Под предлогом, что не хватает денег на ведение дома, Изабелла посдавала постепенно все опустевшие комнаты дядиного дома.
Квартиранты же ее, были не такого сорта люди, чтобы боялись "обысков". Наоборот, скорее их можно было опасаться. По их счастливому, уверенному виду, по достатку, с которым они жили, совершенно необычному в то время и по их новой и хорошей одежде было ясно, что большевистская власть не то, что им чужда, а наоборот, своя. Со всеми ими, Изабелла, несмотря на свой характер, была в дружеских отношениях.
Скромнее других был еврей средних лет, но которого почему-то называли сокращенно: Мошка. Возможно потому, что он был маленького роста. Его свежее с живыми, блестящими глазами, лицо окаймляли сплошь, как черная овчина, мелкие кольца волос растущих густо на голове и переходящих дальше в бороду.
Мошка жил со своей семьей в задних комнатах нашего дома. Он часто заговаривал со мной, уверяя, что долгие годы вел коммерческие дела с папой и дядей Валерой. Но я

никак не могла его вспомнить. Он мне казался совершенно незнакомым, однако, я ему верила, так как он производил на меня хорошее впечатление. Мошка часто мне говорил, что ему скоро надо будет поехать в наши места, а возможно и в Ромейки.

Несколько месяцев спустя, он сыграл в моей жизни большую роль, а я в его, по всей вероятности, трагическую.

После той ночи, когда я убежала от Виталия, встречи наши не прекратились, и мы по-прежнему стремились к ним и были счастливы вдвоем. Но вскоре в наши отношения стало вкрадываться что-то новое, что разрушало наше прежнее единство. У каждого было что-то свое, личное и скрытое от другого.

Не знаю почему, но я решила попробовать и несколько раз не прийти к Виталию. Он будто совсем этого не заметил, во всяком случае никакого сожаления не высказал. Мне это было не только неприятно, но и обидело мое самолюбие. Подозрительным показалось мне и то, что при исполнении заказов, часто так случалось, что мы не работали вместе, как раньше, а порознь, в разных местах.

Все же я стараюсь себя успокоить: "то, что он работает не там, где я, не от него зависит. Его, как лучшего художника, ставят на более ответственные работы"...

Но раз, когда я, после сравнительно долгого перерыва, постучала к нему в дверь, он, открыв ее, с удивлением сказал:

- А, это ты? - и мне показалось, что тень неудовольствия промелькнула на его лице.

- Ты недоволен что я пришла? - спросила я не в силах скрыть, охватившего меня, подозрения.

- И, что ты выдумала, я просто устал. Вот и теперь масса работы. Надо приготовить эскизы.

- Так я тебе, наверное, помешала, тогда я лучше уйду, - сказала я, чувствуя, как бы почва ускользала у меня из под ног. Он взял меня за руку и, втянув в комнату, сказал:

- Садись, и лучше скажи, что ты думаешь об этом наброске?

С каждой новой встречей, я с болью сознавала, что он отходит от меня все дальше и дальше. Я начала упрекать его.

- Скажи откровенно, ты не хочешь, чтобы я больше приходила к тебе? Тебе надоело со мной встречаться, - и зная, что это так, я безумно хотела слышать от него слова отрицания, хотя б и не искренние.

- Перестань, не говори глупости. И к чему все эти подозрения и упреки ненужные, - отвечал он.

- Ты не любишь меня больше, я вижу, я чувствую это, - в другой раз опять начинала я.

- Да что ты хочешь? Чтобы я все время стоял на коленях и молился на тебя, как на икону, - сердито говорил он.

В то время был популярен один романс. Виталий взял манеру на все мои упреки отвечать его словами в шутовском тоне: "Молчи, грусть молчи..." дальше иногда добавлял:

- "Не тронь старых ран"... но никогда не заканчивал, так как следующие слова были много говорящие. Я же мысленно их продолжала: "Сказки любви дорогой не вернуть никогда, никогда..."

Самолюбие не позволяло мне приходить к нему как раньше, без предупреждения, а только под каким-либо предлогом.

Чтобы удержать его, я стала очень много заниматься своею наружностью и достигла больших успехов. Как-то инстинктивно (наверное тот самый инстинкт, который заставляет насекомых и животных принимать защитный цвет) я научилась затушевывать

мои внешние недостатки и подчеркивать достоинства. Благодаря подкрашенным ресницам, - тетя уезжая, оставила мне в наследство свою лабораторию, - мои глаза казались еще больше. Маленькая вуалька на шапочке придавала им таинственность. На щеке я наклеивала мушку, а на шее носила на золотой цепочке медальон с портретом Виталия в середине. Платья мои приняли другой вид: то сузила, то поукоротила, то приделала новую бархотку и, узнать нельзя было.

Мало того, я совершенно переменяла манеру держать себя. Сделалась кокетливой, игривой, подчеркнуто веселой, словно в опьянении, а вернее в состоянии нервного подъема. От меня как какие-то волны исходили, привлекая все взоры мужчин.

"Пусть знает какая я, пусть видит как всем нравлюсь, пусть поревнует", думала я все о нем и о нем.

- Ты знаешь Лида, что о тебе сказал тот усатый господин? - спросила Люда, указывая глазами на одного из новых "учеников".

- Нет, а что?

- Что ты теперь в периоде расцвета, который бывает у каждой девушки, и что вокруг тебя все вертятся, как пчелы около цветка, - сказала Люда. И действительно, мне не было прохода от ухажеров.

Сережа, очень милый мальчик, сын доктора, и тоже из новых не спускал с меня "телячьих", как я говорила, глаз. Он просто млеял в моем присутствии. Раз пригласил меня с Людой зайти к нему.

В комнате, куда он нас ввел, стояла кушетка. Подойдя к ней, я сказала:

- Ах, я такая усталая сегодня, - и сделав томный вид, опустилась на кушетку, принимая, как это я себе воображала, позу Мессалины, о которой не имела никакого представления.

Полулежа, я оперла голову на одну руку, а другую в небрежном изгибе протянула на мои, лежавшие на кушетке ноги.

Бедный Сережа поместился на полу у моих ног и, блаженствуя, ни на минуту не отрывал от меня влюбленных, гипнотизирующих глаз.

Среди других ухажеров был еще один - еврей, из "новых." Он никогда не снимал военной шинели, очевидно очень гордый ею. "Неужели и он? И на что он надеется", - думала я сердито. Маленький, сутуловатый. С крючковатым носом, он вертелся, вертелся, около меня, наконец таинственно сказал:

- Знаете что, Рыбникова, я запишу вас в партию, согласны?

- В какую партию? - делая наивный вид спросила я.

- Ясно в какую. Теперь только одна партия есть. И имейте ввиду, что те, кто теперь запишутся, будут иметь в будущем огромные привилегии. Им, понятно, будут верить больше, чем тем, кто придут к нам позднее, когда партия окончательно победит. В вас столько жизни и порыва, нам такие нужны - закончил он.

Мне вдруг из любопытства хотелось записаться, чтобы посмотреть, что это такое, но, взглянув на него, подумала "Наверное там все такие"... и, отвернувшись, капризно сказала:

- Нет, не хочу.

С таким же ровно успехом, я могла тогда записаться, не останавливаясь на том, что это значило, а кроме того, мне тогда все равно было. С Виталием я больше не встречалась. Он явно избегал меня. Когда случайно сталкивалась с ним в коридоре, в моей душе все рвалось от боли, я с видом беззаботной веселости спрашивала:

- А вот и вы, как поживаете? Что это вас нигде не видно?

- Ничего себе поживаю, ничего. А вы, вы как? - подчеркивал он мое обращение к нему на "Вы". - Занят, очень занят, - добавлял он, как бы оправдываясь в какой-то вине.

Вина эта, я знаю, была его равнодушие ко мне.

При одной из таких случайных встреч он посмотрел на меня так злобно, что у меня в глазах потемнело. Только мои пальцы, теребившие бахрому упавшего с плеч платочка, показывали, как мучительно я волновалась.

В глубине души моей, спрятанная далеко, все еще жила надеждою моя несчастливая любовь, как долго еще теплятся искры, прикрытые золою, на дне уже догоревшего костра.

В конце августа 1919 года - новая бомбардировка. Прислушиваясь к свисту пролетающих снарядов, я одна в столовой ела мою пустую пшеничную кашу - главный продукт питания тогда.

Вдруг комната дрогнула, раздался треск, звон разбитого стекла, поднялась пыль и дым; попугай в клетке, дико щелкнув, прокричал тетиним голосом "Попка дурак!". Кругом в стену врезались осколки разорвавшегося у окна снаряда.

Ну, вы же и счастливая, - восклицали вбежавшие квартиранты, хоть бы одна царапина.

На другой день Киев заняли Белые. Погода стояла солнечная. Улицы кишели народом.

На Крещатике была поставлена белая арка с надписью: "Добро пожаловать!" Толпы народа забрасывали белыми цветами въезжающих Добровольцев.

Несмотря на то, что киевляне стали апатичны и привыкли ко всяким военным переменам и бомбардировкам, на этот раз в Киеве чувствовалось оживление. На улицах появилась опять публика, а в магазинах - раньше спрятанные товары.

В следующий после занятия Киева день Белые открыли подвалы Чека. Кто имел крепкие нервы, ходили смотреть на залитые кровью полы и стены с прилипшими на них человеческими мозгами и волосами.

- Мы не в состоянии платить вам так, как большевики. Они забирают казенные деньги, деньги частных людей и в банках. Мы этого делать не можем. Но все кто хочет освобождения от власти большевиков, должны жертвовать и поддерживать нас.

Они просили писать им плакаты. Сначала мы это делали, но скоро краски все разошлись, новых не поступало, денег не платили, и все постепенно замерло. Такое явление было не только в нашей школе. Богатые люди сначала жертвовали, но по мере того, как успокаивались, переставали поддерживать белых.

Многие из молодых людей поступали в Добровольческую Армию. Сережа, провожая меня со школы, сказал:

- Скоро я иду на фронт. Бог один знает вернусь ли. Я ничего не прошу, не смею надеяться, но одно только: поцелуйте меня на прощание, на счастье.

Мне стало жалко Сережу. Он такой славный и скромный был мальчик, и я грустно сказала:

- Хорошо, Сережа.

- Где, когда? - приставал он ко мне после этого.

Был вечер. Несмотря на то, что падал мелкий дождь, на улицах, освещенных фонарями и светом с витрин, толпились люди. Идя рядом с Сережей я приблизилась к нему и поцеловала в щеку.

- Будьте счастливы, Сережа и храни вас Бог, - сказала я ему ласково.

- И это все? Я не так думал, - разочарованно протянул он.

В декабре опять перемена: ушли Белые и город заняли Красные.

В школе опять плакаты, портреты: Ленина, Троцкого, Марата и Робеспьера...

В отношении ко мне Виталия, я заметила под весну улучшение.

Еще на улицах лежал, как жидкая, серая каша таявший снег, но высохшие уже тротуары были приятно чисты. Мы с Людой, в одних белых блузочках, бодро шли, радуясь и греясь в солнечных лучах одного из первых весенних дней. Вздвогнув от неожиданности, я увидела Виталия подошедшего к нам сзади. Проводив нас до дома Люды и прощаясь с ней, он сказал мне:

- Не хотите ли пойти куда-нибудь, день такой чудесный.

Это было недалеко от монастыря. Мы взобрались с ним на старую, полуразрушенную колокольню. В просветы ее арок видны были далеко в отдалении нежно-голубые разливы воды, и кое-где белел, чуть заметными пятнами, нарастающий снег. От освобожденной из-под снега земли, вибрируя поднимались вверх волны испарений. Вблизи в длинных прядях березовых ветвей, прилетевшие, грачи хлопотливо вили гнезда.

На душе у меня было тихо и грустно. Мы больше молчали. Вспоминались наши первые встречи. О них наверное думал и он. Боясь коснуться наболевших чувств или разрушить сладостную нежность этой встречи, я ни одним словом, ни одним взглядом не намекнула и не вспомнила о прошлом.

Встреча эта разбудила наново уже утихавшую во мне боль.

В мае 1920 года, отогнав большевиков, Киев заняли поляки. Открылось железнодорожное движение на Запад. Стало возможным уехать мне в Ромейки. Мошка стал усиленно убеждать меня ехать вместе с ним. Изабелла настаивала на моем отъезде, угрожая, что больше у нее нет денег на мое пропитание, а я все отказывалась. Весна стояла в полном расцвете.

- Как жалко, Лида, что тебя не было вчера с нами. Мы целой компанией ходили за город. Угадай к кому мы зашли, - говорила мне Люда.

- Зашли к кому? - не знаю, - рассеяно ответила я.

- К родителям Виталия. У них маленький домик и садик - весь в цвету. Виталий был очень рад нас видеть. Хочешь, я соберу компанию и опять пойдем туда. Теперь за городом чудесно.

Через несколько дней, прихорошившись и одев наиболее идущее мне платье, я в числе других отправилась за город.

Заметив неожиданно нагрянувшую компанию, родители Виталия несколько смутились, а он, увидев меня, даже растерялся, словно я застала его на чем-то врасплох. Стараясь овладеть собой и быть спокойным, он со смущенной улыбкой познакомил меня с родителями.

- Мы давно вас знаем, много о вас слышали от нашего сына, - сказали они приветливо. Виталий провел нас в сад. Там он ни на один шаг не отступал от меня. Заботливо ухаживая, он ласково и несколько боязливо заглядывал мне в глаза, точно желая что-то узнать. Прощаясь, он нарвал мне огромный букет белой сирени.

Упоенная радостью, а может быть минуткою призрачного счастья и желая охранить его от посторонних, я отдалилась от компании и отправилась домой одна. Дорога и время пролетели, казалось, мимо не коснувшись меня. Я ощущала только цветы, в моих руках и видела почему-то только, уходившие в даль, тополя длинного Бибиковского бульвара. Очнувшись в своей комнате, я подошла к окну и распахнула его: мне было тесно и душно. Положив осторожно букет на подоконник, я опустила на стул около него и, погрузив лицо в душистые цветы, обливала их горькими слезами.

Мы опять стали встречаться, но отношения наши мало напоминали прежние. Мы ходили скорее на двух очень близких и старых друзей, которых связала недавно пережитая общая печаль. Несколько раз я была у него в Покровском Монастыре. На стене его комнаты, все также висел, нарисованный им, мой портрет с подчеркнута большими глазами и в шапочке с двумя белыми крыльями по бокам ее.

В начале июня стали говорить, что поляки уходят. Мошка больше прежнего настаивал на моем отъезде. Я сказала об этом Виталию. Он ответил, что и сам боится прихода большевиков.

- Мой отец, хоть и в отставке, а все же бывший офицер Императорской армии, - сказал он мне с гордостью.

- Едем со мной в Ромейки, - вдруг неожиданно для самой себя и не подумав, предложила я.

К моему изумлению, он очень поспешно и охотно согласился. Мы подали прошение на пропуск, без которого нельзя было ехать.

Когда ночью Виталий и я сидели на тротуаре в бесконечной очереди ожидавших, как и мы, пропуска, Виталий сказал мне:

- Наверное у твоих родителей есть там какая-нибудь пустая хатка. Что нам с тобою нужно? Немного, я буду писать картины...

Эти его слова, так меня поразили, что я не нашлась что ответить. Я была уверена, что он едет в Ромейки в качестве гостя, на время, пока из Киева не уйдут большевики. Они ведь все время то приходили, то уходили. А Виталий очевидно решил, что мы поженимся, иначе как бы я могла жить с ним в одной хатке. И странно, несмотря на всю мою любовь, я не только не обрадовалась, а наоборот, скорее испугалась.

Нам в пропуске отказали. Виталий решил, что без пропуска ему ехать нельзя.

Большевики подходили уже к Киеву.

Неожиданно приехала Нина.

На другой день, после ее приезда, ко мне в комнату вошел Мошка.

- Я пришел вам сказать, - начал он садясь в кресло, - что не сегодня, завтра большевики будут уже здесь.

- Ну так что же, не в первый раз, - сказала я.

- В первый то не в первый, зато наверное в последний. Никого против них уже не осталось. Это последняя возможность нам отсюда уехать.

- Ну так и уезжайте. Не понимаю, разве вы без меня не можете?

Ничего не ответив, он продолжал:

- Я еще потихонечку хочу вас предупредить. Скажите вашей кухне, чтобы она уезжала, если не из Киева, то хоть из этого дома к ихним там артистам.

- А почему?

- Квартиранты недовольны и Изабелла тоже. Она их слушается, понимаете?..

- Нина и сама не собирается здесь оставаться. Она завтра уезжает со своей труппой. - Хотя я и не понимала в чем дело, но инстинктивно почувствовала, что здесь было что-то неладно.

- С Киевского вокзала поезда больше не идут. Но завтра последний товарный поезд отходит из Святошина. Этим поездом мы можем уехать. О деньгах не беспокойтесь. У меня есть. Сколько вам надо будет, я вам дам.

Если у меня и были еще некоторые колебания, то после этого разговора, я окончательно решилась.

На другой день Виталий провожал меня в Святошино. Идти было далеко, но я кроме ящика с красками ничего не взяла. В сосновом лесу не доходя до станции, земля была усеяна красной, ароматной земляникой. Забывшись, мы стали собирать ее; когда, наконец, подошли к станции, то сразу увидели Мошку. Он стоял у задней площадки одного из товарных вагонов, что-то кричал и отчаянно махал руками.

Подбежав, мы увидели, что поезд уже чуть заметно двигался. Быстро передав Мошке мой ящик, Виталий посадил меня и, когда я обернулась, то проститься было уже поздно. Только вдалеке виднелась еще его, одиноко стоявшая, фигура.

Никогда больше в жизни нам не суждено было не только увидеться, но даже что-либо услышать друг о друге.

Я села на полу площадки рядом с Мошкой, и смотрела устало и бездумно на сосны, на столбы телеграфные, на кусты, медленно проходившие мимо. Поезд шел черепашим шагом, иногда останавливался среди дороги. На станциях стоял долго, часами. Казалось никого в поезде, кроме нас, не было. Мошка сказал мне:

- У меня деньги есть, но я вам их теперь не дам, а все время, пока вы будете со мною, я буду платить за все, что вам понадобится.

Уже под вечер, после долгого маневрирования на какой-то станции поезд остановился. Неожиданно мы увидели около нашей площадки двух военных.

- Вы кто такие? Как попали на этот поезд? Сходите! Ступайте вперед, - приказывали они грубо.

Пропустив ряд товарных вагонов, они ввели нас в откуда-то взявшийся, пассажирский. Внутри его было много военных. Они сразу же начали допрашивать.

- Ваше имя, фамилия? Куда едете? Как и где попали на этот поезд?

Выслушав наши ответы, они нас разделили. Мошку куда-то увели и обратились ко мне.

- Что это у вас в ящике?

- Краски.

Они открыли и внимательно пересмотрели.

- Вы что же, рисуете?

- Да, я ученица Художественной Школы.

- Ваши документы, - продолжали они.

- У меня нет.

- То есть, как это нет? Покажите ваш паспорт.

- Говорю, что нет, - ответила я нетерпеливо.

- Вы что же потеряли или вообще не потрудились его взять с собою?

- Я забыла его в Киеве, второпях.

В это время мое внимание привлек военный, который очень медленно проходя, уставился на меня сверлящими насквозь глазами. Глянув с изумлением на него, я сердито отвернулась.

- Вы еврейка? - продолжали они.

- Что... я еврейка! - воскликнула я, поражаясь бессмысленности их вопроса.

- А почему вы не носите крестика, а медальон?

- Многие не носят крестика. И мне нравится этот медальон. Вот и все, - ответила я.

- Перекреститесь!

Я перекрестилась.

Тот же военный опять прошел и так же пронзительно посмотрел на меня. Я тоже взглянула на него, по-прежнему удивляясь и не понимая.

- А почему вы едете с этим евреем? И кто он вам, и откуда вы его знаете?

Я объяснила, что он долго вел дела с папой и дядей и едет недалеко от Ромеек и что нам по пути с ним.

- Кроме того, он мне будет давать деньги в пути, так как у меня нет, - закончила я.

Скоро они, оставив меня ушли, но через некоторое время один из них вернулся и пригласил меня следовать за ним.

В купе, куда он меня ввел было трое офицеров. Двое, сидя рядом, рассматривали углубившись какие-то бумаги. Третий стоял и, когда я вошла, приветливо улыбнулся. Это был тот самый, что так упорно смотрел на меня во время допроса. Я не отвечая на улыбку, строго и сердито посмотрела на него.

- Я очень рад, что вопрос с вами выяснился. Мы вполне вам верим и сочувствуем. Я думаю, что там на площадке неудобно и холодно, особенно ночью. В этом купе есть одно свободное место и мы охотно можем предоставить его вам.

Два других обернулись и подтвердили:

- Пожалуйста, пожалуйста, будем рады.

- Спасибо, - сказала я, стараясь не показать своего испуга, - очень любезно с вашей стороны, но там на площадке совсем хорошо и тепло, теперь же лето, а кроме того, мне надо видеть Мошку и поговорить с ним.

- Нечего вам с ним говорить, да кроме того, его там нет.

- А где же он? - с беспокойством спросила я.

- Он в другом вагоне. Послушайте, - продолжал стоявший офицер, - мы офицеры Польской Армии и ничего, что могло бы вас обидеть, никогда себе не позволим. Здесь вы в полной безопасности, больше того, под нашей защитой. Пожалуйста, садитесь, - закончил он вполне дружелюбно.

Они показались мне тактичными и хорошо воспитанными людьми.

Во все время нашего пути, офицеры ухаживали за мной, как за малым ребенком. Их шоколад, консервы, сгущенное молоко, которыми они все время меня угощали, показались мне, после киевской голодовки, лукуловской едой, какой я никогда раньше не ела.

После того, как я успокоилась и освоилась с ними, я спросила первого моего знакомого:

- Скажите, почему вы вначале так пристально на меня смотрели?

- Я должен был узнать кто вы такая, - ответил он улыбаясь.

- Как же вы могли это узнать, глядя на меня таким образом.

- Видите ли, я офицер разведки. У меня глаз очень опытный. По тому, как подозреваемая особа реагирует на мой взгляд я могу много узнать. Вас я сразу разгадал. Вы как на ладони. Потом я стоял в соседнем купе и смеялся, слушая ваши ответы.

На другой день, спокойно выспавшись, наевшись и приобретя уверенность, я стала приставать к ним.

- Где Мошка? Я хочу его видеть, мне надо, у меня нет денег.

- Да на что вам ваша Мошка, - отшучивались они. Но я не унималась.

- Ваш Мошка шпион, если вы уж так хотите знать, - наконец, заявил офицер разведки.

- Что?.. - протянула я не веря своим ушам, - это не может быть. Я его знаю, он вел дела с папой и дядей.

- Это ничего не доказывает. Ясно, вам он не мог сказать, чем теперь занялся, - говорили они.

И как я не старалась доказать обратное, они стояли на своем.

Вдруг мне вспомнилось: рано утром я услышала сухой треск. Выглянув в окно, я увидела кубырем мелькнувшее и упавшее за кусты, что-то черное. Теперь, я с ужасом подумала: "не был ли это мой Мошка?" и чуть не плача воскликнула:

- Я вам честное слово даю, что он не шпион!

- Перестаньте, - сказал один из них сердито, и категорически, - мы не желаем больше об этом говорить.

Струсив, я замолчала. О судьбе моего спутника, я так никогда и не узнала.

Около полудня мы приехали в Корестень. Там, как только поезд остановился, они торопливо вышли и скоро вернулись, очень взволнованные.

- Мы сейчас отправляемся по другому пути к фронту, - заявили они мне и заговорили между собой.

- А что же мне делать? - напомнила я о себе.

- Ах, да, вам надо сойти, мы едем в противоположном направлении.

- А что же будет со мной? - беспомощно спросила я опять.

- Да правда, пассажирского движения здесь нет, но в вашем направлении идет много военных эшелонов. Попробуйте попасть на один из них. К сожалению, мы ничего больше для вас сделать не можем, - торопливо говорили они.

Едва я успела сойти, как их поезд тронувшись, отошел.

Кроме начальника станции, подтвердившего, что пассажирские поезда не идут, ни на вокзале, ни на платформе, где я уныло стояла со своим ящиком, не видно было ни одной живой души. С безнадежной тоской смотрела я на ускользавшие в даль рельсы, туда где недосыгаемо далеко представлялись мне Ромейки.

Несколько отдельных вагонов стояло на запасных путях. На самом последнем неподвижно застыл бесконечно длинный товарный поезд. Сначала его я и не рассмотрела.

Внезапно, звон, лязг столкнувшихся буферов нарушил глухую тишину станции. Словно судорога пробежала вдоль вагонов и, дернувшись, товарный поезд двинулся с места. Пробежав несколько шагов, я остановилась, готовая расплакаться, глядя вслед, ускорявшему ход, поезду.

Приблизительно через час к вокзалу подошел новый товарный поезд. Из всех широко раскрытых его ворот, выглядывали лица, наполнявших вагоны, солдат. Они махали, увидев меня, руками. Некоторые сидели на порогах, свесив ноги.

- К нам! К нам! - неслось отовсюду, когда я нерешительно проходила мимо. На мой счет доносились недвусмысленные замечания, смех, циничные остроты.

"Какой ужас! Это все равно, что войти в клетку с дикими львами или тиграми. Чего им бояться? Что их может сдержать? Сегодня в одной битве, завтра в другой. Смерть на каждом шагу", - думал я в страхе. Поезд ушел. Потом второй такой же, третий - я все ходила, и ходила, не решаясь войти, а солдаты все также кричали, хохотали, звали меня со всех сторон.

"Может быть это уже последний поезд? Ведь они отступают. Что тогда? Линия фронта, бои, большевики! А я одна здесь, ни денег, ни еды, ни документов"... - думала я - "В конце концов, они же люди и многие из них хорошие даже очень. Надо только уметь подойти к ним. К тому же они и несчастливые теперь", - более здраво начала соображать я.

Подошел новый поезд.

На пороге одного вагона, свесив ноги, сидел молоденький, как мальчик, солдат. Он грустно смотрел перед собой. За ним виден был какой-то штатский с большой собакой.

"Вот этот может поддержать меня" - подумала я и остановилась у ворот. Услужливые руки моментально втянули меня в вагон. Быстро поставив перед собой ящик на ребро как преграду, я повернулась и села рядом с молодым солдатом на пороге, свесив ноги. Мне почему-то казалось, что малейшее движение, поступок или слово могут погубить меня. Мои испуганные мысли работали быстро и напряженно.

"Первым делом надо найти себе защитника", - думала я.

- Вы наверное едете с фронта и может быть домой? - обратилась я к своему молодому соседу. Я отлично знала, что не домой они едут, но думала: "напоминание о доме

направит их мысли в другую, хорошую сторону и подальше от меня", и действительно не ошиблась.

- Где там домой, вот уже полгода, как я не был там, с тех пор никаких вестей из дому не имею, ни одного письма, - охотно отозвался мой сосед.

- Письмам теперь трудно дойти. Ваши родные наверное пишут, но вы их можете не получать.

- Да я бы ничего, да если бы не... и он начал рассказывать мне о своей семье.

Штатский оказался хуже солдат. Я поняла, что принятый из любезности в вагон, да еще с собакой, он старался подлизываться к ним, поддерживая игривые и иногда циничные замечания на мой счет. Не обращая внимания и делая вид что ничего не слышу, я продолжала участливый разговор с моим собеседником, глядя как внизу под ногами мелькали шпалы и вытягивался в линию песок железнодорожной насыпи. Солдат слева перебрасывался остротами с теми кто был позади нас; но мучимый любопытством, стал прислушиваться к моим словам и, наконец, заявил:

- А у меня дома остались одни старики родители. В поле работать некому, а хозяйство большое...

Я сразу же поддержала его вступление в разговор, спрашивая о его семейных делах. Солдаты позади нас тоже одни за другими начали вставлять свои слова и не прошло много времени, как они все, перебивая друг друга, заговорили о своих родных и делах, изливая передо мной все то, что накопилось у них на душе. А когда из глубин вагона донеслась уже неуверенная грубая острота, то один из моих собеседников, обернувшись, сказал:

- Замолчи, а то я так расквашу твою рожу, что не встанешь. Не видишь, мы тут с хорошей барышней разговариваем, а ты как свинья.

После этого, редко кто отзывался из дальних углов вагона. Штатский тоже и, по-видимому, с удовольствием переменял свой тон.

На ночь мои новые друзья разостлали мне недалеко от выхода шинель и, расположившись вблизи, охраняли как самые верные и преданные рыцари.

В Сарнах со мной вышел и штатский. Отсюда начиналось уже пассажирское движение.

- Во все время нашего путешествия я наблюдал за вами, и надо признаться, вы замечательная девушка и так мне понравились, что я не прочь был бы и жениться. В ожидании поезда, он попросил у меня позволения поехать со мною в Ромейки, но я под предлогом, что не знаю, что там делается теперь, отказала.

Так как у меня не было денег, он взял мне билет в Антоновку.

В Антоновке не было никаких лошадей для наема. Мне предложили послать нарочного в Ромейки. Но я рассчитала что пока он доберется туда, пока лошади придут в Антоновку, а потом назад со мной, то пройдет Бог знает сколько времени, а мне очень не

терпелось.

"Пойду-ка я лучше пешком, это скорее будет".

Главная дорога делала большой круг, и я отправилась напрямик через лес. Пройдя некоторое расстояние, я стала замечать, что лес будто изменился и не похож на прежний. Чем дальше я шла, тем гуще и темней он становился. Место казалось незнакомым. Дорога скоро начала теряться среди огромных колод, когда-то упавших деревьев. Они полусгнили и позеленели, покрывшись бархатом мха. Вступив на одну из них, я провалилась. Дальше виднелась глушь и дичь непроходимые. Пахло сыростью и было темно как в сумерки. "Еще выскочит оттуда какой-либо дикий зверь или волк", мелькнуло у меня в голове. Повернувшись, я быстро зашагала назад. Но дорога оказалась не та по которой я пришла. Вижу, что заблудилась.

Иду в одну сторону - какое-то болото; в другую - группа сосен шуршит своими темно зелеными кудрями. Испуганно мечусь, то вправо, то влево, то назад... Нигде выхода, нигде просвета! Стала. Оглядываюсь потерянно вокруг. Куда же теперь? А лес стоит все так же угрюмо и так же безучастно шепчет листьями над моей головой.

В одном месте как будто бы светлей. Неуверенно иду... Просвет! Кидаюсь вперед. Выбегаю на опушку леса и, ослепленная, останавливаюсь.

Передо мной ясное, широкое небо и такое же широкое, покрытое рожью и солнечным светом поле. Края его нигде не видно. Я чуть не вскрикнула от, охватившей меня, радости. Мне почудилось, что передо мной открылась новая, спокойная, радостная жизнь, как спокойно это голубое небо, как радостно это поле еще молодой, еще незрелой волнуемой ржи. Не поискав дороги или тропинки, я кинулась в эти волны, желая слиться с ними, желая перенестись так же легко и свободно, как они, на другой конец поля ближе, скорее к Ромейкам.

Рожь была высокая и я пробиралась с трудом, раздвигая ее руками, и очень скоро устала. Назад вернуться не позволял какой-то суеверный страх. К счастью, еще через несколько шагов, я наткнулась на небольшую тропинку. Измученная, еле передвигая ногами, брела я по ней долго, долго, пока, наконец, не привела она меня на край поля, но все еще далеко от Ромеек.

Солнце уже клонилось к западу, когда я, чуть живая, собравшись с последними силами, подошла к нашему дому.

На крыльце никого не было. Войдя в дом, я услышала голоса на веранде. Бросившись туда, увидела: на конце стола, у блеснувшего самовара, мама; рядом длинная, седая борода с висячим над нею красным, толстым носом - папин дядя; ближе - стриженные затылки двух младших братьев и совсем близко, с краю стола, папа.

- Лида! - вскрикнул он, а потом остановился, точно не в силах продолжать.

- Ты ли это? Мы думали, никогда больше тебя не увидим, как ты добралась?.. Слезы стояли в глазах его.

Расплакавшись, я обхватила его шею руками.

- Целуйтесь, целуйтесь, обнимайтесь! А я разложил бы ее вот тут на этой скамейке, да всыпал как следует, так больше не захотела бы.

Я же думала, не понимая: "Как могла я на так долго их оставить, на так долго забыть?"

[Глава 7](#)